

Слова Тан Мочэня звучали вполне убедительно, но то, что они знали о Танмэнь, и то, что он рассказывал, было совершенно разным. Если Тан Мочэнь их обманывал, то это могла быть ловушка, приготовленная специально для них. Лу Сяофэн не верил, что маленький ребёнок способен придумать такую ложь, тем более что Тан Мочэнь так кстати оказался в Башне Ста Цветов Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн очень хотел узнать, как всё было на самом деле. Оружие, которое никогда не видели в мире ремесленников, семейное боевое искусство, позволяющее мгновенно исчезать, поместье, о котором никто никогда не слышал — всё это вызывало у него жгучее любопытство. Если кто-то действительно замыслил против них, то кто и зачем мог бы нацелиться на Хуа Маньлоу или его семью? В то время имя Лу Сяофэна не было широко известно в мире ремесленников, и мало кто знал, что он и Хуа Маньлоу были близкими друзьями. Поэтому вполне возможно, что целью был либо сам Хуа Маньлоу, либо его семья, первая в богатстве в Цзяннани.

После того как Хуа Маньлоу передал сообщение своей семье, они использовали все свои каналы для сбора информации, но прошло уже много дней, а Поместье Скрытого Меча так и не было найдено. Даже само это название никто никогда не слышал. Берега озера Сиху были тщательно обследованы, но Поместье Скрытого Меча оставалось неуловимым, словно его никогда и не существовало.

Это усилило подозрения Лу Сяофэна в отношении Тан Мочэня. Спустя несколько дней, так и не получив никакой информации о Поместье Скрытого Меча, Лу Сяофэн, Хуа Маньлоу и Тан Мочэнь решили отправиться в Гунчжоу, чтобы найти Крепость Тан, о которой говорил Тан Мочэнь.

Хотя они и собирались выяснить правду, их путешествие больше напоминало прогулку. Путь от Башни Ста Цветов до Гунчжоу был долгим, и они, конечно, не стали бы преодолевать его с помощью лёгкого шага или пешком. Если бы они так поступили, Хуа Маньлоу первым бы ударил Лу Сяофэна, ведь это было бы издевательством над ребёнком. Двое взрослых могли бы выдержать, но Тан Мочэнь, которому было всего семь или восемь лет, не смог бы справиться с таким способом передвижения.

Поэтому они отправились верхом. Учитывая юный возраст Тан Мочэня, Хуа Маньлоу боялся, что он не выдержит долгого пути, и хотел, чтобы слуги повезли их в карете. Однако Тан Мочэнь отказался, предпочитая лошадь.

У Тан Мочэня была своя лошадь — белая, явно породистая. На спине лошади был привязан какой-то узел, который Тан Мочэнь, казалось, очень любил. Хотя это делало лошадь менее привлекательной, он всё равно настаивал на том, чтобы везти его с собой, несмотря на насмешки Лу Сяофэна. В этом узле Тан Мочэнь хранил еду и даже кувшин вина.

Лу Сяофэн ехал на одной лошади, а Тан Мочэнь и Хуа Маньлоу — на другой. Причём управлял лошадью именно Тан Мочэнь. Мастерство восьмилетнего мальчика в верховой езде было редким явлением, и Лу Сяофэн всё больше удивлялся, кто же был его учителем, способным воспитать ребёнка, превосходящего своих сверстников и даже некоторых взрослых.

К полудню Тан Мочэнь проголодался, и они остановились, чтобы отдохнуть. Поскольку они были в дикой местности, пришлось довольствоваться припасами, которые они взяли с собой. К счастью, Тан Мочэнь был готов. Он достал из узла на спине лошади еду и вино.

Узел был сконструирован таким образом, чтобы защищать содержимое от тряски, поэтому еда

сохранилась в хорошем состоянии, а вино не потеряло своего аромата.

Лу Сяофэн, почувствовав запах вина, вдруг понял, что влюбился в этот узел. Как бы он хотел иметь такой же! Но он не мог отобрать его у ребёнка.

— Большой брат, тебе это нравится? — Тан Мочэнь заметил сожаление в глазах Лу Сяофэна и спросил с наивным тоном, словно готов был подарить узел, если Лу Сяофэн ответит утвердительно.

— Да, — поддавшись искушению вина, Лу Сяофэн пропустил мимо ушей странный тон Тан Мочэня и его необычное поведение, машинально ответив.

— Большой брат, у этого есть ещё одно название — любимец любителей вина и еды, — Тан Мочэнь сказал ещё более невинным голосом, словно просто хотел сообщить Лу Сяофэну название, а не доставить ему неприятности.

— Пфф, — Хуа Маньлоу снова не сдержал смеха.

С тех пор как они встретили Тан Мочэня, Лу Сяофэн постоянно оказывался в неловком положении. Кто бы мог подумать, что острый на язык Лу Сяофэн будет так часто проигрывать маленькому ребёнку.

Увидев, как Хуа Маньлоу снова смеётся, Тан Мочэнь укрепился в своём намерении дразнить Лу Сяофэна. Он был уверен, что чтобы порадовать Хуа Маньлоу, нужно досаждать Лу Сяофэну. Это стало причиной того, что в течение долгого времени Тан Мочэнь то и дело подшучивал над Лу Сяофэном.

Лу Сяофэн, взяв вино, лёг под дерево, решив выпить и оставить их голодными. Это чувство, когда нельзя ни ругать, ни бить, ни переспорить, а на пути к хорошему вину всё равно приходится полагаться на него, было просто удручающим. Кто-нибудь, заберите этого маленького чертёнка!

— Большой брат, пойдёшь, принеси дичи, — Тан Мочэнь поднял голову и обратился к Лу Сяофэну, сидящему на дереве.

Столкнувшись с поставщиком вина на ближайшее время и не зная, как отказать такому маленькому ребёнку, Лу Сяофэн не мог послать самого Тан Мочэня за дичью или Хуа Маньлоу. В первом случае Хуа Маньлоу вылил бы всё вино, а затем убил бы его, а во втором случае маленький чертёнок решил бы, что он послал Хуа Маньлоу, и стал бы досаждать ему ещё больше. Поэтому Лу Сяофэн покорно отправился за дичью, обработал её, вымыл и насадил на палку, готовясь приготовить.

Тан Мочэнь, похоже, не собирался эксплуатировать Лу Сяофэна до конца. Когда тот был готов начать жарить, он сам взял дичь и начал поворачивать её над огнём.

Хуа Маньлоу не одобрил это, считая, что нельзя позволять ребёнку делать такое, и укоризненно посмотрел на Лу Сяофэна. Тот, почесав нос, снова взял дичь, внутренне плача. Он не мог спорить ни с одним из них.

— Сяо Чэнь, давай я сделаю это, а ты пойдёшь, посиди с Хуа, — Лу Сяофэн протянул руку, чтобы взять дичь, но Тан Мочэнь уклонился.

Лу Сяофэн подумал, что ребёнку просто интересно, и начал уговаривать.

— Ты думаешь, что я сожгу дичь, да? — сказал Тан Мочэнь. — Этот большой брат был слишком подозрительным. Он не только отвлекал внимание Хуа Маньлоу, но и не верил в его кулинарные навыки. Он точно не сожжёт дичь. Ни он, ни его семья.

Тан Мочэнь начал шарить по карманам, и Лу Сяофэн отступил, используя лёгкий шаг. Неужели он снова собирается использовать порошок зомби? Лу Сяофэн хотел закричать. Почему именно он всегда оказывается жертвой? Он и так уже занят, а тут ещё и этот чертёнок.

Тан Мочэнь достал не порошок зомби, а приправы, которые он посыпал на жарящуюся дичь. Она начала шипеть, и запах стал ещё аппетитнее. Лу Сяофэн решил взять свои слова назад. Возможно, этот чертёнок действительно умеет готовить, ведь ни он, ни Хуа Маньлоу не смогли бы сделать так вкусно.

— Хуа, возьми ножку, — как только дичь была готова, Тан Мочэнь сразу же отдал обе ножки Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн внутренне кусал платок. Ведь это он поймал, убил и выпотрошил дичь, разжёг огонь и собрал дрова. А теперь все ножки достались Хуа Маньлоу. Он тоже любил ножки. Такое предпочтение было совсем несправедливым.

Тан Мочэнь сам взял крылышки, а Лу Сяофэну досталась оставшаяся часть дичи. Все трое могли подтвердить, что кулинарные навыки Тан Мочэня действительно были превосходными, и он был лучшим поваром среди них.

<http://bllate.org/book/16231/1458166>